

УДК 141.412

DOI: 10.34670/AR.2020.84.74.041

Персонификация зла как проблема русской религиозной философии XIX-XX веков

Громов Егор Валерьевич

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и социологии,
Елабужский институт,

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
423600, Российская Федерация, Елабуга, ул. Казанская, 89;
e-mail: gromove@mail.ru

Аннотация

Цель. Целью статьи является выявление особенностей персонификации зла как подхода к решению проблемы добра и зла в русской религиозной философии XIX – начала XX в. **Методология.** Для решения поставленных задач применялись такие методы исследования, как метод контент-анализа, методы анализа и синтеза. **Результаты.** В ходе проведенного исследования изучены основные подходы русской религиозной философии к проблеме источников зла и его места в мире. Выявлена связь этих подходов с религиозным сознанием русского человека, в частности с традиционным для православия представлением о зле как результате разрыва с Богом как источником добра. Указывается на особое значение персоналистического подхода к проблеме зла в структуре нравственной проблематики русской религиозной философии. **Заключение.** Опираясь на традиционное для православия понимание зла как последствия разрыва с Богом, русская религиозная философия выработала своеобразный подход к определению места зла в мире и возможностей борьбы с ним, в основе которого лежит его персонификация. Персонификация зла в русской философии осуществляется или в контексте христианского Предания через образ противостоящего Богу духа (В.С. Соловьев, В.В. Зеньковский), или через сосредоточение образа злого начала в коллективной персоне (государство у Л.Н. Толстого).

Для цитирования в научных исследованиях

Громов Е.В. Персонификация зла как проблема русской религиозной философии XIX-XX веков // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Том 9. № 5А. С. 203-209. DOI: 10.34670/AR.2020.84.74.041

Ключевые слова

Православие, добро, зло, русская религиозная философия, персонализм, социология.

Введение

Религиозное возрождение современной России вновь делает актуальными многие философские и этические проблемы, поставленные классиками русской философской мысли в конце XIX – начале XX в. В последние десятилетия идеи Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева и Н.А. Бердяева, Н.Я. Данилевского и Л.А. Тихомирова, после семи десятилетий вынужденного забвения стали не только неотъемлемой частью российской философии наших дней, но и важной частью общественного сознания нашей страны и всего постсоветского пространства. Последние политические события, в том числе раскол между православными церквями в связи с украинской автокефалией, новые религиозные гонения в ряде регионов мира и глобальный рост религиозного экстремизма и фундаментализма позволяют по-новому взглянуть на то огромное идейное наследие, которое досталось ныне живущим поколениям от создателей этого уникального направления философской мысли.

Материалы и методы

Материалом данного исследования послужили труды русских религиозных философов, в частности «Три разговора» В.С. Соловьева, «Догматическое богословие» В.Н. Лосского, «Закон насилия и закон любви» Л.Н. Толстого и ряд других. Для решения поставленных задач применялись такие методы исследования, как метод контент-анализа, методы анализа и синтеза.

Литературный обзор

В настоящее время наследие русской религиозной философии привлекает к себе пристальное внимание многих отечественных исследователей. Новую актуальность приобретают многие проблемы, сформулированные русскими мыслителями конца XIX – начала XX в., такие как проблема исторической судьбы России, менталитета русского человека, влияния Запада и Востока на духовную культуру русской цивилизации. Однако освещение проблемы зла в русской религиозной философии во многом остается в тени вышеперечисленных вопросов. В исследованиях последних лет вопрос о том, как представляли себе природу зла отечественные мыслители, решается, как правило, в контексте анализа их подходов к решению других проблем. И.И. Евлампиев и И.Ю. Макарова в своей статье, посвященной сравнительному анализу религиозно-философских систем В.С. Соловьева и Л.Н. Толстого, отмечают несовпадение их подходов к проблеме природы зла, но отношение рассматриваемых авторов к вопросу о персонификации зла остается вне поля их анализа [Евлампиев, Матвеева, 2019, [www](#)]. Нередко предметом философского анализа становится осмысление противостояния добра и зла в наследии отдельных русских философов [Рутковская, 2015]. В то же время целый ряд аспектов рассматриваемой проблемы остается нераскрытым в современной российской философии, что обуславливает актуальность дальнейших исследований в этой области.

Результаты и обсуждение

К наиболее актуальным в наши дни проблемам русской религиозной философии принадлежит проблема философской рецепции добра и зла, в частности осмысления зла, его происхождения и места в жизни человека. Российскими мыслителями второй половины XIX в.

и первых десятилетий XX в. едва ли не впервые в философии Нового времени был выработан ряд подходов к этой проблеме. В то время как крупнейшие представители западноевропейской философии рассматривали зло либо в качестве неизбежной части мирового процесса (Гегель считал грехопадение необходимым этапом эволюции человека), либо как нарушение нравственного долга, а чаще всего вообще обходили стороной вопрос о природе и причинах зла, русские философы смогли не только философски осмыслить и интерпретировать зло как нравственную категорию, но и передать в своих трудах трагичность человеческого бытия, обусловленную реальным присутствием в нем активного злого начала. До настоящего времени это достижение русской религиозной философии остается незамеченным многими ее исследователями, несмотря на его актуальность.

Разработка проблемы зла в русской философии оказалась возможна благодаря тому, что с первых своих шагов она опиралась на одну из величайших религиозно-культурных традиций в мировой истории – русское православие. Даже те российские мыслители, которые, подобно Ивану Карамазову из повести Достоевского, «...почтительнейше возвращали билет на вход в Царствие Небесное», находились под влиянием этой традиции, что отражалось и в их попытках с ней порвать. Именно то понимание природы зла, которое заложено в православном вероучении, было использовано многими русскими философами для построения собственных концепций, объясняющих природу зла и необходимость противостоять ему.

Особенность вообще христианского, в том числе православного, понимания сущности зла заключается в том, что понятие зла не отделяется от понятия греха. Согласно «Православной энциклопедии», грех «...есть нарушение норм бытия тварного мира, установленных Богом» [Грех, www]. Истоком этого нарушения традиция считает бунт против Бога, начало которому было положено падшими ангелами. Первопричина этого бунта – гордыня, ведущая к желанию стать равным Богу, а затем – к отпадению от Него. Именно носитель этого первичного греха – вождь падших ангелов Сатана – выступает в православии в качестве субъекта, в котором персонифицируется зло. При этом важнейшей особенностью христианского понимания зла является представление о его не-вечности, о его чуждости изначально установленному Богом миропорядку. Этим христианская доктрина принципиально отличается от мировоззрения многих других религий, в которых зло рассматривается либо как неотъемлемая часть материального бытия (гностицизм), либо как извечная сила, противостоящая добру в вечной и непреходящей борьбе (манихейство). Однако христианству также чуждо характерное для буддизма представление об иллюзорности зла, которое можно преодолеть путем его игнорирования. Зло – небытие, но оно обретает реальность благодаря личностям, сознательно отвергающим подлинное Бытие. Именно в отвержении подлинного Бытия заключался, согласно православию, первородный грех человека, и через это в мир человека пришла смерть, непосредственно следующая из повреждения человеческой природы грехом.

Для понимания проблемы персонификации зла в русской религиозной философии необходимо учитывать, что именно эта православная концепция зла и греха изначально была неотъемлемой частью той культурной среды, в которой формировалось мировоззрение русских философов. От ее влияния не оказались свободны даже те из них, которые выбрали основным тезисом своей философии сознательное отвержение православной традиции и даже отождествление ее со злом в своем собственном понимании. Так, Л.Н. Толстой наделяет носителей насилия – основного злого начала в его философской системе – чертами, роднящими их с дьяволом христианского предания. Более того, в рассказе «Разрушение ада и восстановление его» Толстой прямо облакает Церковь (наделенную многими внешними

атрибутами римского католицизма) в образы бесов [Толстой, 1982, т. 12, 390-406]. Главная вина Церкви в его понимании также весьма сходна с виной грешников в традиционном религиозном мировоззрении: она заключается в отпадении Церкви от Бога, в нарушении Его заповедей, прежде всего – заповеди ненасилия, реконструированной Толстым на основе собственного анализа Евангелия [Толстой, 1957, т. 23, 305-320]. Таким образом, Толстой продолжает придерживаться религиозно-культурной парадигмы персонификации зла, но по-новому трактует содержание греха и, следуя полученной концепции, персонифицирует зло не в отдельных личностях падших ангелов, но в коллективных лицах – Церкви и государстве.

Возможно, именно толстовский подход к переносу идеи зла из мира духовного в мир человеческих отношений подтолкнул В.С. Соловьева к проблеме зла и его персонификации. Если в его ранних произведениях вопрос о сущности зла и наличии в тварном мире его личностного носителя остается мало затронутым, то в последнем его философском труде «Три разговора» тема личности, полностью отдавшейся злу, становится одним из лейтмотивов. Более того, среди личностей, в которых Соловьев персонифицирует зло, оказывается целенаправленно инфернализованный образ самого Л.Н. Толстого, черты мировоззрения которого легко угадываются в Князе. Антитолстовский пафос произведения особо подчеркивает опору Соловьева на христианскую традицию в постановке и решении вопроса о зле и его конечной судьбе. Князь – предтеча другой личности, той, в которой зло найдет для себя окончательный сосуд и которая станет последним орудием злых сил в этом мире, – Антихриста. Его роднит с Князем общее чувство собственного морального превосходства над остальным человеческим родом – симптом гордыни. Это Император Мира. «Сознавая в самом себе великую силу духа, он был всегда убежденным спиритуалистом, и ясный ум всегда указывал ему истину того, во что должно верить: добро, Бога, Мессию. В это он *верил*, но *любил* он только *одного себя*. Он верил в Бога, но в глубине души невольно и безотчетно предпочитал Ему себя» [Соловьев, 1990, т. 2, 740]. Эта гордыня делает его легкой добычей зла, несмотря на высокие душевные качества, несмотря на «...высочайшие проявления воздержания, бескорыстия и деятельной благотворительности», которые «...казалось, достаточно оправдывали огромное самолюбие великого спиритуалиста, аскета и филантропа» [Там же]. Соловьев приписывает ему рассуждения, типичные для основателей сект: «Христос пришел раньше меня; я являюсь вторым; но ведь то, что в порядке времени является после, то по существу первее. Я прихожу последним, в конце истории именно потому, что я совершенный, окончательный спаситель. Тот Христос – мой предтеча, Его призвание было – предварить и подготовить мое явление» [Там же, 741]. Однако в полной мере зло находит воплощение в другом персонаже – маге и вероотступнике Аполлонии, который «...дойдет, между прочим, до полуполучающего, полумагического искусства притягивать и направлять по своей воле атмосферическое электричество, и в народе будут говорить, что он *сводит огонь с небес*» [Там же, 747]. Примечательно, что у Соловьева не упоминается лицо, которое в православной традиции служит главным образом личностного зла. Дьявол присутствует на заднем плане, проглядывая исключительно в действиях и мотивах своих личностных орудий – Императора, Аполлония, Князя.

Мотив персонификации зла не получил дальнейшего развития в трудах самого Соловьева, скончавшегося еще до публикации своего последнего произведения, однако эта тема была разработана рядом других русских философов. Так, Н.А. Бердяев обращается к ней в трактате «Истина и откровение». Он отмечает неразрывную связь идей зла и ада, указывая на неясность фигуры Дьявола в Ветхом Завете: «Диаволу не приписывается никакой самостоятельной силы,

он, в сущности, ничего создать не может. Зло негативно, и оно имеет призрачную силу только потому, что крадет у добра. И тем не менее дьяволу удалось стать князем этого мира, его властелином. Все в этом падшем мире гораздо более от дьявола, чем от Бога. Но вот что еще важнее и страшнее. Дьяволу, оказывается, удастся создать свое вечное царство тьмы и муки – ад» [Бердяев, www]. Бердяев отрицает реальность ада, выводя его идею из идеи мести, игравшей огромную роль в религии и морали, но не отрицает также прямо существование злой личности, не разрабатывая, впрочем, вопрос о ней теоретически. Он лишь отмечает возможность перерождения любого носителя зла, включая падших ангелов, воскрешая древнюю идею апокатастасиса.

Важную роль в разработке проблемы персонификации зла в русской философии сыграла повесть Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», в которой один из главных персонажей – Иван Карамазов – вступает в прямой диалог с чертом. Автор оставляет открытым вопрос о реальности этого диалога. По мнению С.Н. Булгакова, собеседник Ивана Федоровича – продукт его собственного сознания: «Черт Ивана Федоровича не метафизический Мефистофель, изображающий собою абстрактное начало зла и иронии, это произведение собственной больной души Ивана, частица его собственного я. Все, что мучает Ивана, что он презирает в себе и ненавидит, притом не только в настоящем, но и в прошлом, все это получает как бы персонификацию в черте» [Булгаков, Иван Карамазов..., www]. Тем не менее весьма характерно, что образ, в котором персонифицируется злая сторона души персонажа, – образ, традиционно ассоциируемый со злым началом, действующим в тварном мире. При этом сам Булгаков не отрицает существования этого начала, связывая с его проявлением события начала XX в.: «Вы правы, быть может, гораздо больше, чем сами думаете, насколько Распутин был точкой приложения, медиумом для действия некоторых мистических сил» [Булгаков, На пиру..., www].

Традиционный подход к проблеме персонализации зла можно отметить и в произведениях философов русского зарубежья, таких как В.Н. Лосский и В.В. Зеньковский. Лосский особо подчеркивает личностность зла в христианской духовной традиции: «лукавый» в Молитве Господней – это не абстрактное безличностное начало, но конкретная личность, благодаря которой состояние зла обретает активность [Лосский, 2006, 509]. Истоки зла – в свободе твари. Оно возможно лишь при наличии личности, которая способна сознательно отвергнуть добро и его источник – Творца. Начало зла – грех одного ангела, который, пожелав сделаться равным Богу, возненавидел благодать [Там же, 511]. В.В. Зеньковский, определяя зло как «болезнь духа», также подчеркивает, что обрести реальность оно может лишь при участии злых существ – духов или людей. Как и В.Н. Лосский, Зеньковский различает две стадии грехопадения, т. е. появления в мире злых личностей: грехопадение ангелов, затронувшее лишь духовный мир, и грехопадение человека, через которое зло пришло в мир материальный. При этом полностью отдают себя во власть зла именно падшие ангелы, тогда как природу человека Бог оберегает от полного разрушения [Зеньковский, 2010, 105-109].

Заключение

На рубеже XIX-XX вв. в русской религиозной философии получил всестороннее развитие тезис христианского вероучения о небытийности зла, обретающего реальность лишь через личности, отказавшиеся от добра. Опираясь на традиционное для православия понимание зла как последствия разрыва с Богом, русская религиозная философия выработала своеобразный подход к определению места зла в мире и возможностей борьбы с ним, в основе которого лежит

его персонификация. Персонификация зла в русской философии осуществляется или в контексте христианского Предания через образ противостоящего Богу духа (В.С. Соловьев, В.В. Зеньковский), или через сосредоточение образа злого начала в коллективной персоне (государство у Л.Н. Толстого).

Библиография

1. Бердяев Н.А. Истина и откровение. URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/istina/index.html>
2. Булгаков С.Н. Иван Карамазов как философский тип. URL: <http://www.vehi.net/bulgakov/karamaz.html>
3. Булгаков С.Н. На пиру богов. URL: <http://www.vehi.net/bulgakov/napirubogov.html>
4. Грех. URL: <https://www.pravenc.ru/text/166453.html>
5. Евлампиев И.И., Матвеева И.Ю. Религиозные учения Л. Толстого и Вл. Соловьева и проблема единства русской религиозной философии // Историко-философский ежегодник. 2019. Т. 34. URL: <https://iphras.ru/uplfile/histph/2019/evlampiev.pdf>
6. Зеньковский В.В. Апологетика. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2010. 528 с.
7. Лосский В.Н. Боговидение. М.: АСТ, 2006. 759 с.
8. Рутковская М.В. Проблема добра и зла сквозь призму философских идей И.А. Ильина // Материалы научно-методических чтений ПГЛУ «Университетские чтения – 2015». Пятигорск: ПГЛУ, 2015. С. 129-134.
9. Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. 822 с.
10. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Художественная литература, 1957. Т. 23.
11. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. М., 1982. Т. 12. 478 с.

The personification of evil as a problem of Russian religious philosophy in the 19th and 20th centuries

Egor V. Gromov

PhD in Philosophy, Docent,
Associate Professor at the Department of philosophy and sociology,
Elabuga Institute,
Kazan Federal University,
423600, 89 Kazanskaya st., Elabuga, Russian Federation;
e-mail: gromove@mail.ru

Abstract

Objective. The article aims to identify the features of the personification of evil as an approach to solving the problem of good and evil in Russian religious philosophy in the 19th and early 20th centuries. **Methodology.** The research methods include content analysis, analysis and synthesis. **Results.** The research examines the main approaches of Russian religious philosophy to the problem of the sources of evil and its place in the world. The article reveals the connection of these approaches with the religious consciousness of the Russian people, in particular with the traditional Orthodox view of evil as a result of the breakup with God as a source of good. It points out the special significance of the personalistic approach to the problem of evil in the structure of the moral problems of Russian religious philosophy. **Conclusion.** Based on the traditional Orthodox understanding of evil as the consequences of the breakup with God, Russian religious philosophy has developed a unique approach to determining the place of evil in the world and the possibilities of fighting it, which is based on its personification. The personification of evil in Russian philosophy

is carried out either in the context of the Holy Tradition of the Church through the image of the spirit opposing God (V.S. Solovyov, V.V. Zenkovsky) or through the concentration of the image of the evil principle in the collective persona (L.N. Tolstoy).

For citation

Gromov E.V. (2020) Personifikatsiya zla kak problema russkoi religioznoi filosofii XIX-XX vekov [The personification of evil as a problem of Russian religious philosophy in the 19th and 20th centuries]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 9 (5A), pp. 203-209. DOI: 10.34670/AR.2020.84.74.041

Keywords

Orthodoxy, good, evil, Russian religious philosophy, personalism, sophiology.

References

1. Berdyaev N.A. *Istina i otkrovenie* [The truth and revelation]. Available at: <http://www.vehi.net/berdyaev/istina/index.html> [Accessed 02/08/20].
2. Bulgakov S.N. *Ivan Karamazov kak filosofskii tip* [Ivan Karamazov as a philosophical type]. Available at: <http://www.vehi.net/bulgakov/karamaz.html> [Accessed 02/08/20].
3. Bulgakov S.N. *Na piru bogov* [At the feast of the gods]. Available at: <http://www.vehi.net/bulgakov/napirubogov.html> [Accessed 02/08/20].
4. Evlampiev I.I., Matveeva I.Yu. (2019) Religioznye ucheniya L. Tolstogo i Vl. Solov'eva i problema edinstva russkoi religioznoi filosofii [The religious teachings of L. Tolstoy and V. Solovyov and the problem of the unity of Russian religious philosophy]. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik* [Historical and philosophical yearbook], 34. Available at: <https://iphras.ru/uplfile/histph/2019/evlampiev.pdf> [Accessed 02/08/20].
5. *Grekh* [Sin]. Available at: <https://www.pravenc.ru/text/166453.html> [Accessed 02/08/20].
6. Lossky V.N. (1962) *Vision de Dieu*. Paris. (Russ. ed.: Lossky V.N. (2006) *Bogovidenie*. Moscow: AST Publ.)
7. Rutkovskaya M.V. (2015) Problema dobra i zla skvoz' prizmu filosofskikh idei I.A. Il'ina [The problem of good and evil through the prism of I.A. Ilyin's philosophical ideas]. *Materialy nauchno-metodicheskikh chtenii PGLU "Universitetskie chteniya – 2015"* [Proceedings of the readings "University readings – 2015"]. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University, pp. 129-134.
8. Solov'ev V.S. (1990) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.], Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ.
9. Tolstoy L.N. (1957) *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t.* [Complete works: in 90 vols.], Vol. 23. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.
10. Tolstoy L.N. (1982) *Sobranie sochinenii: v 22 t.* [Collected works: in 22 vols.], Vol. 12. Moscow.
11. Zen'kovskii V.V. (2010) *Apologetika* [Apologetics]. Minsk: Belarusian Orthodox Church.